

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ
по уголовному делу № 1-23/10

01 ноября 2010 года – 10 часов 30 минут.

Судебное заседание продолжено.

Судом производится замена секретаря судебного заседания Мышеловой О.И. на секретаря судебного заседания Капусткину М.И.

Секретарь судебного заседания докладывает о явке вызванных в суд лиц.

Подсудимый Ходорковский М.Б. – доставлен.

Подсудимый Лебедев П.Л. – доставлен.

Защитник Дятлев Д.М. – не явился.

Защитник Клювгант В.В. – явился.

Защитник Левина Е.Л. – явилась.

Защитник Москаленко К.А. – явилась.

Защитник Терехова Н.Ю. – явилась.

Защитник Лукьянова Е.А. – не явилась.

Защитник Грузд Б.Б. – не явился.

Защитник Шмидт Ю.М. – явился.

Защитник Сайкин Л.Р. – не явился.

Защитник Краснов В.Н. – явился.

Защитник Купрейченко С.В. – явился.

Защитник Липцер Е.Л. – явилась.

Защитник Мирошниченко А.Е. – явился.

Защитник Ривкин К.Е. – явился.

Защитник Сапожков И.Ю. – не явился.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э. – явился.

Государственный обвинитель Лахтин В.А. – явился.

Государственный обвинитель Ковалихина В.М. – не явилась.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б. – явилась.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н. – явился.

Потерпевший Белокрылов В.С. – не явился.

Потерпевший Демченко В.М. – не явился.

Представитель потерпевшего Гришина Т.Ю. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Щербакова И.Л. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Петрова И.Е. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Ларионов Р.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Чернега Д.С. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Курдюкова Н.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Фрадкин К.Б. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Лозко В.И. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Узалов И. – представитель Компании «Sandheights Ltd» – не явился.

Представитель потерпевшего Пятикопов А.В. – представитель ОАО НК «Роснефть», ОАО «Томскнефть» – не явился.

Свидетели – не явились.

Участники процесса надлежащим образом уведомлены о месте и времени проведения судебного заседания, суд не располагает сведениями о причинах их неявки.

Судом ставится вопрос о возможности продолжить судебное заседание при данной явке.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Клювгант В.В.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Москаленко К.А.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Липцер Е.Л.: не возражаю.

Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Продолжить судебное заседание при данной явке.

Председательствующий предоставляет сторонам возможность воспользоваться правом на реплику.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Ваша честь, очень коротко. Сторона обвинения не считает необходимым подробно анализировать выступление в прениях стороны защиты, так как на анализ и опровержение всему, что они наговорили, необходимо потратить минимум столько же дней, сколько они выступали. Но мы не видим в этом необходимости, потому что все, что сторона защиты наговорила, является или явной ложью либо откровенной глупостью. Поэтому сторона обвинения уверена, что суд, удалившись в совещательную комнату, сравнит нашу обвинительную речь и так называемую оправдательную речь стороны защиты, легко убедится в абсолютной фальшивости утверждений наших оппонентов, и вынесет справедливый приговор. Анализируя заявления Ходорковского, Лебедева и их защитников, сделанные в ходе судебных прений, государственное обвинение пришло к выводу, что на данной стадии процесса подсудимый Ходорковский продолжил строить свою защиту путем формирования, как у суда, так и у общественности, мнения о политическом характере уголовного преследования, а так же об интерпретации следователями нормальной хозяйственной деятельности ОАО НК «ЮКОС», как противозаконной. Чтобы доказать полную несостоятельность таких выводов подсудимых и их защиты, и одновременно не дать ей через подконтрольные отдельные средства массовой информации утверждать, что у стороны обвинения нечего сказать в опровержение утверждений стороны защиты, коснемся только некоторых из них. Так подсудимый Ходорковский, как руководитель организованной группы, применяя свою излюбленную тактику, заявил, что признает правдивость обвинительной речи. И тут не искушенный в общении с Ходорковским оппонент должен благодарить его за такие так называемые уступки. Признавая достоверность утверждений стороны обвинения, он пытается ввести суд в заблуждение и заявляет, что по содержанию своих обоснований сторона обвинения фактически признает его невиновность. В частности он заявил, что действия подсудимых по эпизоду легализации с использованием компании «ЮКОС Капитал Сарл» путем выдачи кредитов добывающим предприятиям «ЮКОСа» не доказаны. При этом он утверждает, что чуть ли не единственным доказательством стороны обвинения его виновности по этому поводу является распечатка переговоров юристов Гололобова и Бахминой, содержащаяся в томе

120. По утверждению Ходорковского там нет ничего, что бы свидетельствовало, что он из следственного изолятора управлял финансовыми операциями по легализации средств, добытых преступным путем. По утверждению Ходорковского в переговорах имеется только два упоминания о нем на листе дела 17, где он просит привести в суд свидетеля, который собрался уехать за границу, и на листе дела 50, где говорится, что «независимо от чьей-то позиции не будем давать в обиду и не будем ничего сваливать, и вообще не об этом, и совершенно не планируется, не планировалось и не будет планироваться». Но в распечатках телефонных переговоров имеются и другие ссылки на Ходорковского, если внимательно их прочитать и проанализировать. Например, на листе дела 11 записано: «Дятлев схему принес, передаст с Альбертом Мкртычевым, я имею в виду консолидацию, а вот ту записку, которая вторая, Альберт идет сегодня с ней». Михаил Борисович, слова: схема, консолидация, записка, не это ли руководство финансовыми операциями. Может быть речь для этих прений Вам готовил защитник Дятлев, который в то время работал в «ЮКОСе», и поэтому Вы умолчали о нем, что в распечатке имеется текст о прямом Вашем руководстве финансовыми операциями. Или следующее на листе дела 37: «Личные риски Тиди. Как он дал пять миллионов мимо кассы. Единственная вещь, если Ходорковский лично или какой-то фонд региона России скажет «я даю» и даст деньги. Компания-то «ЮКОС» не может». Комментировать здесь не будем, слова «пять миллионов мимо кассы», «Тиди один из руководителей «ЮКОСа» и затем так же один из руководителей «ЮКОС Капитал Сарл», а так же, что Михаил Борисович Ходорковский только может лично сказать, дать деньги или не дать для фонда региона России, сами по себе дают ответ, управлял или не управлял Ходорковский, будучи арестованным и находящимся в следственном изоляторе, финансами, которые были легализованы на счетах различных компаний. Далее на листе дела 39, следующее отражено в этой распечатке: «По банкротству все сделали, как договаривались и обсуждали, дискуссию надо выносить на совет директоров, совет не может решить на собрании. Тут проблема, тут все фактически перекладывается на Ходорковского. Я с Моисеевым разговаривал». Или на листе дела 41: «Позиция после разговора с Моисеевым такая, что мы подставляем МБХ, поэтому предлагаю обдумать и с Анатолием Крушинным поговорить. Если мы вынесем на собрание, будет подстава МБХ. Если Дрель согласовал с МБХ такую возможность, ради Бога. Если у нас нет от МБХ однозначного понимания, что его устраивает для политической разводки, если его не устраивает, или он ничего не говорит, ты поговори с Дрелем, если Дрель скажет, что ему плевать, вообще не вопрос». Эти несколько фрагментов переговоров, а в распечатке имеются и другие существенные моменты, разве не свидетельствуют, что через Мкртычева и Дреля, адвокатов, передавались указания Ходорковского, в том числе и по распоряжению финансами, выдаче денежных средств физическим лицам, кредитов, позиций по голосованию в совете директоров и правлении компании, что подтверждает, что у Ходорковского продолжала оставаться определяющая роль по принятию стратегических решений. Если для Ходорковского переговоры Гололобова и Бахминой недостаточное свидетельство его управление по легализации средств, то как, интересно, расценивает показания своего же банкира Юрова, который в то время управлял основными легализованными средствами легализованной группы, который пояснил суду, что он – Ходорковский из следственного изолятора принимал окончательно решения по продаже активов и передавал его через адвоката Дреля. Самое смешное из всего этого вранья, которое привел Ходорковский, является его попытка запутать следствие, когда он заявляет, что не дай Бог в адвокатскую палату попадет запись переговоров. Вот этот орган, по его утверждению, дал бы стороне обвинения жесткую отповедь. В этом случае пусть Ходорковский скажет, что Дрель и Мкртычев являлись соучастниками. Просто, Михаил Борисович, в этой ситуации ясно то, что юристы «ЮКОСа» такие же жертвы Ваших организаторских преступных действий, Алексанян, Гололобов, работники правового управления компании «ЮКОС», втянутые Вами в организованную группу, как метод защиты себя адвокатским иммунитетом, организованным путем переведены в статус адвокатов. Теперь хотите, чтобы таковыми

были Дрель и Мкртычев. Может быть, Вы заодно и упомяните фамилии других юристов, которые фигурируют в распечатке переговоров Бахминой и Гололобова. Ходорковский продолжает благодарить следствие по эпизоду ВНК, говорит о том, что следствие приложило договоры мены акций с обратным выкупом, документы об обратном выкупе в 2001 году. Только каким образом эти документы опровергают позицию следствия, он не сказал. Действительно, сторона обвинения не отрицает, что акции в 2001 году были возвращены, но этому предшествовал ряд мер, предпринятых государственными органами в лице высших должностных лиц страны о возврате акций, возбуждение уголовного дела этому предшествовало и отъезд члена организованной группы Бурганова за границу. Ходорковский продолжает заявлять о так называемом обратном выкупе акций, заложенном в условиях договоров. Но сторона обвинения ранее уже обосновывала, что после того, как попользовался государственным пакетом акций на протяжении трех лет, то можно уже вернуть и выкупить. Ходорковскому на его вопрос в суде Греф ответил, что это не сделка РЕПО, на что Ходорковский не смог ничего ответить. Тогда, после этого выступления и показаний Грефа, Ходорковский изменил тактику и план допроса и содержание вопросов по раскручиванию своей так называемой идеи сделки РЕПО. Относительно кредитов, выданных компанией «ЮКОС Капитал Сарл» его дочерним структурам подсудимый Ходорковский заявил, что законность займов якобы подтверждена показаниями Геращенко, решениями судов, включая Голландский, а так же признанием компании «Роснефть» этого долга фактическим возвратом займа. Также подсудимый заявил, что из текста решения Голландского суда видно, что кредит пришлось возвращать не потому, что компания «ЮКОС Капитал Сарл» перестала входить в «ЮКОС», а ОАО «Юганскнефтегаз» был выведен из периметра консолидации «ЮКОСа». Другими словами Ходорковский предлагает считать, что компания «ЮКОС Капитал Сарл» продолжает оставаться структурой ОАО НК «ЮКОС» до сих пор. Во-первых, оценку показаниям свидетеля Геращенко как заинтересованного и неграмотного в некоторых озвученных им в суде вопросах, в том числе юридического плана, сторона обвинения уже дала. Кроме того, стороной обвинения приведены доказательства того, как именно работал совет директоров ОАО НК «ЮКОС». Сам Ходорковский также не раз подтвердил суду, что совет директоров лишь оформлял его решения. Во-вторых, иски требования и выступления представителей компании «ЮКОС Капитал Сарл» в их обоснование в Голландском суде, а также последующее решение в пользу компании «ЮКОС Капитал Сарл» сведены к тому, что ОАО «Юганскнефтегаз» не платит по займам, а не к тому, что ОАО «Юганскнефтегаз» вышел из ЮКОСа, подсудимый вновь вводит суд в заблуждение. Вывод стороны обвинения о том, что компания «ЮКОС Капитал Сарл» была выведена Ходорковским и Лебедевым из-под контроля ОАО НК «ЮКОС» подтвержден многочисленными доказательствами. Сторона обвинения вообще представила много подтверждающих друг друга доказательств отсутствия у ОАО НК «ЮКОС» контроля над своими активами и наличия такого контроля у физических лиц, возглавляемых Ходорковским. В судебных инстанциях, как российских, так и голландских, довод о подконтрольности компании «ЮКОС Капитал Сарл» нефтяной компании «ЮКОС», не рассматривался. Представители компании «ЮКОС Капитал Сарл» не подтвердили и не опровергли это обстоятельство, заявив иск к ОАО «Юганскнефтегаз», они обосновали его лишь различной юрисдикцией. Однако они позиционировали компанию «ЮКОС Капитал Сарл» как независимую и несвязанную с ОАО «Юганскнефтегаз» с самого начала, то есть с момента выдачи займов. Это подтверждается хотя бы даже отрицанием ими того довода ответчика, то есть ОАО «Юганскнефтегаз», что заем им компанией «ЮКОС Капитал Сарл» был предоставлен за счет прибыли самого ОАО «Юганскнефтегаз». В-третьих, признание компанией «Роснефть» необходимости исполнения судебного решения, даже в случае несогласия с ним, является соответствующим праву, в том числе международному. Однако это не означает, что это подтверждает правомерность займов, к возврату которых «Роснефть» присуждена. Подсудимый вновь использовал обман, сказав, что компания «Роснефть»

признала долг. Это не так. Она признала необходимость выполнять решение суда. И, наконец, подсудимый Ходорковский заявил, что сторона обвинения подтвердила, что вся полученная «ЮКОСом» прибыль потрачена в его «ЮКОСа» интересах. Он отметил, «ЮКОС» получил прибыль, что обвинители якобы подтвердили, при этом обвинители допустили «метания», пытаясь обосновать, что «ЮКОС» не контролировал эту прибыль. Фактически, как сообщил подсудимый Ходорковский суду, сторона обвинения обвинила его только в том, что он и Лебедев легализовали средства, вырученные от реализации нефти «ЮКОСа», путем увеличения капитализации компании и роста стоимости ее акций. Эти доводы подсудимого несостоятельны. Стороной обвинения уже приведены в прениях и ранее в судебном заседании доказательства, подтверждающие легализацию похищенной нефти и средств, вырученных от ее реализации. Как установлено законодательством и как заявляли подсудимые и их защитники в ходе судебного следствия, легализация является оконченной с момента совершения первой финансовой операции или иной сделки с похищенным, направленной на придание правомерного вида похищенному. Это так. Однако, Ваша честь, чтобы доказать преступную цель Ходорковского и Лебедева – придать правомерный вид владению похищенным, а затем средств, вырученных от продажи похищенного, сторона обвинения и представила доказательства всех этапов легализации, начиная с этапа оформления фиктивных сделок с нефтью, продолжая этапом вывода полученной от ее реализации и переработки выручки на счета зарубежных офшоров, заканчивая использованием не распределения этой выручки в установленном законом и международными стандартами порядке для реализации акций компании в своих корыстных интересах, но в обход интересов остальных акционеров. Почему мы об этом говорим? Потому что Ходорковский сделал акцент именно на увеличение капитализации нефтяной компании и рост стоимости акций, забыв намеренно оценить остальные этапы предъявленного отмыывания преступных денег. Обманывая суд, Ходорковский сообщил, что в этом мы его обвинили. Это не так. Его обвинили в том, что он не распределил прибыль, хотя должен был действовать в интересах всех акционеров. Такое не распределение прибыли до ОАО НК «ЮКОС» и до его всех акционеров повлекло увеличение капитализации компании и рост стоимости его акций. И уже это было им использовано при оформлении сделок по выкупу акций ОАО НК «ЮКОС» у себя самого и у Лебедева для обмена их на акции ОАО «Сибнефть». Таким образом, Ходорковский вновь обманывает суд, преподнося часть сказанного государственными обвинителями в отрыве от смысла целого. Более того, выступая в прениях, Ходорковский запутался сам в своих показаниях, в частности, в показаниях о 2,6 миллиардов долларов США, полученных в качестве займа у банка «Сосьете Женераль». Напомним, что в судебном следствии подсудимый Ходорковский заявил, что наличие у «ЮКОСа» денежных средств, в том числе на счетах зарубежных офшоров в 2003 году представляли собой не остатки прибыли нефтяной компании, а были получены в качестве кредита у указанного банка после сделки по приобретению акций ОАО «Сибнефть». В прениях он уже призывает суд не верить ему, говоря, что неважно сказанное, главное то, что акции ОАО «Сибнефть» были куплены. Подсудимый Ходорковский, не имея ничего возразить стороне обвинения в этой части, не стал пояснять суду, где же правда, что за деньги оставались в остатке у «ЮКОСа» в 2003 году, если это не кредит банка «Сосьете Женераль», то что же это. Кстати, Ходорковский так и не сказал нам даже в прениях, откуда же именно у компании «ЮКОС Капитал Сарл» появились такие деньги для кредитования «ЮКОСа». Почему эта компания вышла из-под контроля ОАО НК «ЮКОС», и вообще, находилась ли она его под контролем. Он не может этого сказать. Сторона обвинения уже доказала, что деньги эти – это деньги от реализации похищенного. Как известно, правда не исчезает. Она либо есть, либо ее нет. Человек не может забыть правду совсем. У Ходорковского было достаточно времени, почти 2 года с момента окончания ознакомления с материалами уголовного дела до настоящих прений, вспомнить правду, все обстоятельства своих действий и действий членов организованной группы. Но он не может этого сделать, потому что правда на нашей стороне, на стороне

государственного обвинения. Он не может сказать правду, а чтобы придать видимость обоснованности своей лжи, ему, естественно, необходимо время. Время, которое Ходорковский попросил у суда своей необоснованной просьбой возобновить судебное следствие для его допроса, необходимо ему для того, чтобы опорочить следствие. Подсудимый Ходорковский в своем выступлении не смог опровергнуть ни одного довода стороны обвинения. Его реплики сводятся к обоснованию все тех же, что и в его показаниях, ложных, не относящихся к действительно предъявленному обвинению утверждениях. Такими утверждениями являются его выводы о том, что нефть можно было бы похитить только посредством ее физического изъятия, а этого не было, и что нефть направлялась в трубу производителем, тем самым он ею распоряжался, и за это получал деньги, то есть распоряжался возмездно. Не имея возможностей качественно оспорить обвинение и доказательства обвинения, Ходорковский решил опорочить сторону обвинения, пытаясь убедить суд в том, что государственные обвинители сами прекрасно понимают незаконность предъявленного ему обвинения и обоснование его в связи с этим негодными доказательствами. Своими словами подсудимый Ходорковский, как обычно, пытается ввести суд в заблуждение, обосновывает частями реплик государственных обвинителей из сказанного ими в судебном заседании, в том числе в стадии прений сторон, толкуя их в отрыве от смысла всего сказанного, то есть вне контекста. Так, приводя цитату из выступления обвинителей о расходовании им средств, вырученных от реализации и переработки похищенной нефти, Ходорковский, а также защитник Ривкин, привели часть выступления государственных обвинителей о том, что сторона обвинения не оспаривает приобретение «ЮКОСом» активов, таких как «Арктикгаз», «Роспан» и прочие, что часть полученных средств были направлены на капитальные вложения и выплату дивидендов акционерам «ЮКОСа», что часть средств было расходовано на приобретение акций ОАО «Юганскнефтегаз», «Томскнефть», «Самаранефтегаз», «Сибнефть» и других, что эти расходы подтверждены материалами уголовного дела. Затем он сказал, что обвинители закончили фразу тем, что эти расходы не противоречат предъявленному обвинению, так как увеличение объемов производства компании соответствовала их, организованной группы, корыстным стремлениям получать все больше прибыли. В действительности государственные обвинители стремления получать все больше прибыли относили к капитальным вложениям. В части приобретения акций обвинение отметило нарушения прав миноритарных акционеров ОАО НК «ЮКОС» и его дочерних добывающих структур при приобретении акций названных компаний. Обвинение назвало действительные причины выплат дивидендов акционерам компании ОАО НК «ЮКОС», при этом привело доказательства того, как эти же акционеры не пускались на свои общие собрания и не могли ввести в совет директоров «ЮКОСа» своего, действительного независимого представителя. Об этом всем Ходорковский умолчал. Умолчал он в этот раз также о том, как он бросал деньги «ЮКОСа» на свои нужды, в свой карман, в карман подкупаемых им лиц, в том числе из числа преданных ему за это менеджеров «ЮКОСа», через счета компаний «Мегасистем» и «Яуза-М». Утверждая о фактах оплаты нефти, Ходорковский не упоминает, по каким ценам приобреталась указанная нефть и во сколько раз данная цена отличалась от цены реализации нефти, сложившейся на рынке, что и является определяющим для квалификации действий подсудимых. В судебном заседании стороной обвинения были предоставлены доказательства того, что стоимость нефти, указанная в договорах купли-продажи нефти с нефтеперерабатывающими предприятиями не обеспечивала полного возмещения реальной стоимости нефти, что и указывает на безвозмездный характер ее изъятия. Таким образом, можно рассмотреть все цитаты, приведенные Ходорковским, но это займет много времени. Да и сам подсудимый признал, что он развлекался: «На этом я цитирование временно заканчиваю. Понимаю, что это больше развлечение, чем доказательство». Касаясь выступления адвоката Сайкина отметим, что в своем выступлении Сайкин повторил тезисы о том, что обмен акций предприятий ОАО «ВНК» был произведен в интересах всех акционеров «ВНК», акции не покидали периметра

консолидации «ЮКОСа», а в результате обмена собственниками акций стали компании «Челлита», «Монтекита», «Сагиман», но не физические лица Ходорковский и Лебедев. Между тем, материалами уголовного дела доказано, что указанные иностранные компании, в собственность которых были оформлены акции дочерних предприятий «ВНК», принадлежащих государству, не входили в периметр консолидации «ЮКОСа», их доверенными лицами были подконтрольные организованной группе Ковальчук, Гришняева, Бородина, то есть те самые, по выражению Ходорковского, «бедные ковальчуки и гришняевы», которые не определяли ни целесообразность обмена, ни сумму сделки, и действиями которых управляли работники СП РТТ и «Русские инвесторы». Заявить, что обмен был произведен в интересах акционеров, это не значит, что так оно и есть. В этой связи весьма показательны показания Грефа, который рассказал о длительной борьбе государственных органов и его лично с Ходорковским за возврат акций, показания Демченко и другие доказательства. Сайкин заявил, что утверждение об использовании подсудимыми денежных средств и акций для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, это заведомая ложь. Этот способ законодатель декриминализировал, но сам факт его вменения показателен – обвинение не указывает ни в чем состояло использование денежных средств и акций, ни где, когда и при каких обстоятельствах совершалось. Сайкин невнимательно и в этот раз слушал государственных обвинителей в прениях, поскольку сторона обвинения предложила квалифицировать действия подсудимых по ч. 3 ст. 174.1 УК РФ, улучшающей в силу ст. 10 УК РФ положение подсудимых. Соответственно, останавливаться на предыдущей квалификации – это занимать время суда. Защитник Краснов начал свое выступление с того, что заявил, что органы следствия два года нарушали закон, так как не прекратили уголовное преследование по эпизоду хищения акций дочерних предприятий «ВНК» в связи с истечением срока давности. При этом защитнику Краснову должно быть известно, что согласно ч. 2 ст. 27, п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ прекращение уголовного преследования не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражают. С момента предъявления им обвинения – с февраля 2007 года Ходорковский и Лебедев не согласились с предъявленным им обвинением в хищении акций предприятий «ВНК», обращались с многочисленными ходатайствами, касающимися эпизодов с акциями «ВНК», и заявлениями о своей непричастности к хищению акций. Ни от обвиняемых, ни от их защитников ходатайств о прекращении уголовного преследования в связи с истечением срока давности не поступало. Следовательно, согласно положений уголовно-процессуального законодательства производство уголовного дела продолжалось в обычном порядке, а затем было направлено в суд. Тем самым, защитник Краснов желает представить, что следствие должно было нарушить закон и прекратить уголовное преследование Ходорковского и Лебедева в ноябре 2008 года по эпизоду хищения акций. И тут же в заключение своего выступления заявляет, что дело подлежит прекращению за отсутствием состава преступления. Говоря о том, что Ходорковский и Лебедев владельцы «ВНК», Краснов опять перевирает уже установленный в суде и подтвержденный подсудимыми факт, что подконтрольными им структурами было приобретено 54 % акций, и в «ВНК» были другие акционеры в том числе государство. Доводы об информированности о сделках мены государства опровергаются познаниями Грефа, которые ранее подробно анализировала сторона обвинения, также как и об отсутствии судебных решений, установивших нарушение закона при проведении сделок мены, поскольку государственные органы обратились в правоохранительные органы. Безусловно, ГПК РФ предусмотрено право оспаривать сделки в судебном порядке, но при установлении совершения преступлений этого не требуется, когда наличествует уголовное дело. Краснов пытается этим сказать, что если у гражданина украли вещь, то он должен сначала пойти в суд и разобраться в ходе гражданского судопроизводства, а уж потом обратиться в правоохранительные органы, в милицию и прокуратуру. Из показаний Грефа следует, что государство и так не сразу обратилось в правоохранительные органы за защитой своих прав, пыталось урегулировать проблему с выводом активов путем

переговоров с Ходорковским. Абсолютно несостоятельна речь адвоката Мирошниченко, который пытался угрожать настоящему суду судебными прецедентами, как арбитражных так и гражданских судов, которые так или иначе рассматривали вопросы, касающиеся «ЮКОСа». Сторона обвинения привела уже убедительные доводы, что во всех этих судебных решениях если хоть и упоминалась компания «ЮКОС» или связанное с ним лицо, предметом рассмотрения их были совершенно иные вопросы, чем обвинение Ходорковскому и Лебедеву, которое является предметом рассмотрения данного суда. Что же касается вопросов налоговых споров, споров о генеральных соглашениях, являющихся предметом рассмотрения арбитражных судов, сторона обвинения убедительно показала, что в этих спорах рассматривались совершенно иные вопросы. И главное то, что во всех этих спорах юристами «ЮКОСа», часть из которых уже признаны членами организованной группы, добывающие компании представлялись суду не подразделениями вертикально интегрированной компании «ЮКОС», а самостоятельными юридическими лицами и исходя из этой ситуации приняты арбитражные решения. Так каким же прецедентом могут стать такие решения судов. Никакого опровержения таким доводам стороны обвинения адвокат Мирошниченко не нашел. Адвокат Ривкин в своих выступлениях пытался показать суду, что корпоративная структура ОАО НК «ЮКОС» выступает в защиту Ходорковского, так как все было прозрачно и находилось в периметре, ссылаясь на показания Уилсона. Однако, как он может объяснить тот факт, что более 100 миллионов долларов США были фактически выведены из этой самой корпоративной структуры под видом фиктивных договоров, заключенных с «Яуза-М», обналичены и исчезли из владения как самого ОАО НК «ЮКОС», так и его корпоративной структуры. В ходе судебного заседания доказано, что члены организованной группы под руководством Ходорковского и Лебедева выдумали мероприятия по выполнению работ по изысканию новых трейдеров сбыта нефти и нефтепродуктов и, оформив подложные документы о выполненных этих работ, изъяли со счетов ОАО НК «ЮКОС» большие суммы денег, что подтверждается показаниями того же Юрова, данными в суде о том, что в 2000-2001 годах со счетов ОАО НК «ЮКОС» в ЗАО «Яуза-М» по каким-то договорам было перечислено около 100 миллионов долларов, которые поступили на счета последнего в банке «ДИБ», после чего были переведены на счета Степанова, оказывавшего услуги основным акционерам ОАО НК «ЮКОС» и группы «Менатеп», в банках «ДИБ» и «Менатеп Спб». Впоследствии Степановым эти денежные средства со счетов были сняты и потрачены, что подтверждает расходование денежных средств получаемых от реализации похищенной нефти Ходорковским и Лебедевым по своему усмотрению. Показаниями свидетеля Зубкова, данными в ходе судебного заседания о том, что Группа заключала сделки маркетингового характера с «Яуза-М», которые имели место в 1999-2001 годах, по которым оказывались услуги по поиску экспортных покупателей нефти и эти услуги отражались в составе коммерческих расходов, сумма затрат составляла порядка 70-100 миллионов долларов. Показаниями свидетеля Малаховского, данными в ходе судебного заседания о том, что он по предложению Степанова был зарегистрирован предпринимателем без образования юридического лица в 2000 году и у него был открыт счет в банке «ДИБ» в Москве. Его работа должна была заключаться в различных консультациях, однако фактически она не осуществлялась. Показаниями подсудимого Ходорковского о том, что компании – экспортные покупатели нефти и нефтепродуктов – «Пронет Холдинг Лимитед», «Рутенхолд Холдинг Лимитед» и «Петроваль» были компаниями, входящими в периметр консолидации ОАО НК «ЮКОС» и контролировались им, как руководителем и собственником ОАО НК «ЮКОС». Таким образом, в ходе судебного заседания было установлено, что в 1999-2001 годах никаких услуг ОАО НК «ЮКОС» по поиску экспортных покупателей нефти и нефтепродуктов не оказывалось, а членами организованной группы под руководством Ходорковского и Лебедева под видом заключения договоров консалтинговых услуг со счетов ОАО НК «ЮКОС» были выведены 100 миллионов долларов США на счета лиц, которыми руководил Степанов,

оказывавший услуги основным акционерам ОАО НК «ЮКОС» и группы «Менатеп», то есть фактически в пользу Ходорковского и Лебедева, которые были получены ими наличными и потрачены в своих собственных интересах. Таким образом, корпоративная структура на которую ссылается Ходорковский и его адвокаты использовалась как ширма чтобы скрыть «грязные делишки», распоряжение по своему усмотрению денежными средствами, полученными от продажи реализованной нефти. Так что, видимо, защитник Ривкин, имеющий великолепное высшее образование, думает, что вокруг него никто не понимает сути происходивших в ОАО НК «ЮКОС» процессов и пытается за красивыми терминами скрыть хищение и легализацию. Что касается прозрачности этой структуры – то высказывания Ривкина относительно открытой информации о компаниях «Бейлис», «Балтик» и «Саус» вообще не выдерживают критики. Как в таком случае он может объяснить подписание Ходорковским документа компании «ПрайсвотерхаусКуперс», в котором последний не признает их связанности, закрытие этих фирм после возникновения проблем у Бонда с целью сокрытия реальных платежей выплаченных с этих компаний. Исследованными в ходе судебного заседания доказательствами, а также показаниями свидетелей установлено, что участники организованной группы под руководством Ходорковского и Лебедева, с целью введения в заблуждение заинтересованных лиц о размерах совершаемого ими хищения, а также сокрытия механизма такого хищения, скрывали факт вхождения в периметр консолидации таких компаний, как «Behles Petroleum S.A.», «South Petroleum Limited», «Baltic Petroleum Trading Limited» от акционеров компании и других лиц, в том числе аудиторов. Указанные обстоятельства подтверждаются показаниями свидетеля Миллера, письмом-представлением ОАО НК «ЮКОС», из которых следует, что ОАО НК «ЮКОС» и Ходорковский отрицают факт связанности «ЮКОСа» с вышеуказанными компаниями. Письмом на имя Миллера, в котором сообщается о том, что «Групп Менатеп Лимитед» никогда не являлась акционером вышеуказанных компаний, письмо датировано 27 августа 2002 года. Сообщениями электронной почты, в которых описываются требования аудиторов о раскрытии характера отношений ОАО НК «ЮКОС» с компаниями «Behles Petroleum S.A.», «South Petroleum Limited» и «Baltic Petroleum Trading Limited», а также содержатся сведения о том, что Ходорковский и Лебедев продолжают обсуждать ситуацию с «Бейлисом», «Балтиком» и «Саусом» и обещают решить – либо признать их связанность с группой, либо с отдельными ее членами, письма датированы соответственно 30 июля, 09 августа 2002 года. Проектом заявления на регистрацию по форме F-1 по закону о ценных бумагах 1933 года ОАО НК «ЮКОС», из которого следует, что в главе «Сделки со связанными сторонами» отсутствуют описание сделок с вышеуказанными компаниями. Письмом об отзыве аудиторских заключений компании «ПрайсвотерхаусКуперс» от 15 июня 2007 года, из которого следует, что им в ходе следствия была представлена информация, которая ставит под сомнение достоверность заявлений руководства ОАО НК «ЮКОС», полученных ими в устной и письменной форме в связи с проводившимися аудиторскими проверками. Конкретно это касается информации, в том числе, о не связанности ОАО НК «ЮКОС» с вышеуказанными компаниями. Этими исследованными в ходе судебного заседания доказательствами опровергаются доводы адвоката Ривкина о прозрачности структуры ОАО НК «ЮКОС». В то же время Ривкин почему то не остановился на документе, где прямо говорится что компании «Пронет» и «Рутенхолд» на границе Российской Федерации таможенным органам представляются как независимые от ОАО НК «ЮКОС» компании. Или он считает, что таким образом Ходорковскому можно было обманывать всех вокруг, а потом под тяжестью доказанных улик и с целью избежать ответственности за хищение сказать, что все у него было в периметре консолидации. Что касается высказываний Ривкина относительно вертикально-интегрированной компании «ЮКОС», которая обеспечивала единый производственно-хозяйственный процесс, то может ли он объяснить какую такую производственно-хозяйственную роль в этой структуре играли компании, зарегистрированные в ЗАТО, кроме придания правомерности сделкам по продаже нефти, участия в фиктивных аукционах, как независимые компании,

аккумуляции на них максимального размера прибыли и последующем выводе его на иностранные оффшоры, тогда как можно было спокойно перевести эту прибыль в ОАО НК «ЮКОС» сразу внутри России. Тот же Уилсон рассказывал Ривкину в суде, что ломал голову над тем, как же вернуть в Россию выведенные Ходорковским из нее деньги. Доводы Ривкина о том, что деятельность ОАО НК «ЮКОС» как вертикально-интегрированной нефтяной компании была основана на законных операциях, и в результате такой деятельности у общества образовалась прибыль в размере 50 миллиардов долларов, что свидетельствует об отсутствии хищения, были полностью опровергнуты в судебном заседании. В ходе судебного заседания были исследованы документы переписки сотрудников правового управления и казначейства ООО «ЮКОС-Москва», в которых они, осознавая противоправность совершаемых сделок с имуществом предприятий, входящих в структуру ОАО НК «ЮКОС», выработывали схемы с целью избежания ответственности подписантов этих сделок, составлялись многоходовые схемы, оценивались риски признания всех участников взаимозависимыми лицами, что подтверждается сообщением электронной почты от 01 февраля 2000 года от имени Маруева по теме «Пересылка» с письмом в адрес начальника казначейства ООО «ЮКОС-Москва» Леоновича и заместителя начальника правового управления ООО «ЮКОС-Москва» Гололобова от начальника юридического управления АКБ «ДИБ» Королева, сообщением электронной почты от имени Маруева на имя Злобиной от 16 июня 2000 года по теме «План действий» с вложенными документами – «Примерным планом действий по реструктуризации активов Компании» и таблицей «Финансовые вложения предприятий ЗАТО», сообщением электронной почты от 03 мая 2001 года от имени Малаховского с вложением служебной записки на имя Голубь, сообщением электронной почты от 09 октября 2001 года от имени Бражкова в адрес Кучушевой, сообщением электронной почты от 16 мая 2001 года с вложением служебной записки на имя Голубь, запиской Леоновича от 13 февраля 2002 года, запиской от имени заместителя начальника правового управления Гололобова от 12 февраля 2002 года, письмом от имени Маруева адресованным Голубь от 15 февраля 2001 года, письмом от имени Маруева, адресованным Голубь от 06 февраля 2001 года по теме «Завершение темы ЗАТО». Государственное обвинение считает данные доказательства достаточными для подтверждения того, что менеджеры, действующие под контролем Ходорковского и Лебедева, заведомо знали, что в нефтяной компании происходит незаконное присвоение имущества и легализация добытого преступным путем имущества под видом различных сделок. Почему-то Ривкин не остановился на этих документах в своем выступлении. В каком месте он в этих документах увидел прозрачность, добропорядочность и соблюдение законности при структурировании сделок, непонятно. В ходе судебного разбирательства стороной обвинения суду были также представлены доказательства того, что вся прибыль, полученная ОАО НК «ЮКОС», была выведена за границу и находилась под контролем участников организованной группы. Указанные обстоятельства подтверждаются показаниями свидетеля Миллера, из которых следует, что основная часть накопленной прибыли нефтяной компании, находящаяся за рубежом, была выведена из-под контроля ОАО НК «ЮКОС». ОАО НК «ЮКОС» без основных акционеров не могло получить и распределить эту накопленную прибыль.

Судом объявляется перерыв.

12 часов 40 минут – судебное заседание продолжено в том же составе.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: я продолжаю. В суде были представлены доказательства о том, что вся прибыль, полученная ОАО «НК «ЮКОС» была выведена за границу и находилась под контролем участников организованной группы. Это подтверждается показаниями Ребгуна, назначенного комплексным управляющим в ОАО «НК «ЮКОС», который рассказал суду, что ему было известно показатели консолидированной финансовой отчетности ОАО «НК «ЮКОС», в том числе о том, что к началу 2003 года ОАО «НК «ЮКОС» имела за рубежом порядка 9,6 миллиардов долларов США и распределенный прибыли. Однако контролем над этими средствами у нефтяной компании нет. Это же подтверждает сведения ОАО «НК «ЮКОС»

и его структурных подразделений, полученные в апреле 2007 года в ответ на запрос следователя о том, что в распоряжении нефтяной компании договоров опционов о приобретении «ЮКОСом» или его дочерними зависимыми управляемыми компаниями, а также иными компаниями, акций иных компаний различной юрисдикции, входящей в корпоративную структуру ОАО «НК «ЮКОС» не имеется. Также подтверждает показания свидетель Узорников, в том числе, оглашенные в судебном заседании, из которых следует, что после ареста Ходорковского и Лебедева руководство финансовой службы покинуло территорию России, и, находясь за рубежом, продолжало, без ведома ОАО «НК «ЮКОС» управление иностранными компаниями на счетах, которых была аккумулирована прибыль ОАО «НК «ЮКОС». А также другими исследованными в ходе судебного заседания доказательствами. Эти доказательства подтверждают факт отсутствия у руководства компаний намерения сохранить полученную прибыль в распоряжении ОАО «НК «ЮКОС» и всех его акционеров, что в совокупности с исследованными в ходе судебного заседания доказательствами о переводе участниками организованной группы значительных денежных средств, полученных от реализации похищенной нефти в свою пользу и пользу третьих лиц через ЗАО «Яуза-М» и компанию «МегаСистемс» свидетельствуют о нежелании участников организованной группы, в том числе Ходорковского и Лебедева делиться с кем-либо незаконно полученными денежными средствами, находящимися на счетах иностранных компаний, подконтрольных именно им, а не всем акционерам ОАО «НК «ЮКОС». Что касается высказываний защитника Ривкина относительно продажи добывающих активов в виде «Юганскнефтегаз», то представляется, что ему известно, что основным активом таких предприятий являются запасы нефти и именно они оцениваются в такие крупные суммы, за которые были проданы эти активы. Эму также известно, что добытая нефть уже похищенная у этих предприятий никак не влияет на стоимость их активов. Поэтому, представляя суду, что продажа этого актива за такую большую цену исключает хищения выходит легким мошенничеством и попыткой, видимо, ввести в заблуждение всех вокруг, используя отсутствие у них специальных познаний, тем более это выглядит не красиво в связи с тем, что сам Ривкин это осознает и понимает. Далее защитник Ривкин попытался опорочить предъявленное обвинение в части легализации похищенной нефти и вырученных от ее переработки реализации средств. Его доводы сводятся к следующему. Что фактически обвинением Ходорковского и Лебедева легализации вырученных от реализации нефти средств, сторона обвинения фактически отказалась от обвинения в хищении ими нефти, так как есть вырученные от похищенного средства, значит, похищенное не похищалось. Обосновывая эту свою позицию, защита предлагает считать внутрикорпоративные трансфертные, как они их называют, цены, соответствующие закону. Попытка обосновать защитой получение выручки за добытую нефть и нефтедобывающими акционерными обществами «ЮКОСа» несостоятельна. Обвинение привело многочисленные доказательства того, что эти общества не могли не только распоряжаться своей нефтью, но даже деньгами, полученными за реализацию этой нефти другими лицами, якобы в их интересах. Защита иронизирует в суде над доводами обвинения о том, что эти средства направлялись на воспроизводство (покрытие себестоимости) для дальнейшего обогащения Ходорковского и Лебедева. Однако кроме иронии ничего в опровержение этого довода суду предъявить не смогла. Сторона защиты сама признала в суде, что мы их вновь благодарим, и подтвердила наш довод, заявив в ходе судебного следствия, что, не направляя в добывающие предприятия хоть бы частичного возмещения за хищение дальнейшее хищение осуществить невозможно – предприятия встанут. Про трансфертные или внутрикорпоративные цены, отмеченные Ривкиным, сторона обвинения уже обоснованно выступила ранее. Приведенные доказательства стороной обвинения, а также требования российского законодательства и международных норм, которыми пытались обосновать подсудимые свою правоту, однозначно свидетельствуют о том, что понятие трансфертных цен к использовавшимся Ходорковским и Лебедевым схемам изъятия и легализации похищенной нефти никакого отношения не имеют. Ими применялись

незаконно заниженные цены, их практика никаким стандартам не соответствовала. Защитник Ривкин в своем выступлении аналогичным с подсудимым Ходорковским способом процитировал обвинителей. Приводя цитату из выступления обвинителей о расходовании Ходорковским и Лебедевым средств, вырученных от реализации и переработки похищенной нефти, он привел часть выступления государственных обвинителей о том, что сторона обвинения не оспаривает приобретение «ЮКОСом» активов, таких как «Арктикгаз», «Роспан» и прочие, что часть полученных средств были направлены на капитальные вложения и выплату дивидендов акционерам ЮКОСа, что часть средств была расходована на приобретение акций ОАО «Юганскнефтегаз», ОАО «Томскнефть» ВНК, ОАО «Самаранефтегаз», ОАО «Сибнефть» и других, что эти расходы подтверждены материалами уголовного дела. Затем он сказал, что обвинители закончили фразу тем, что эти расходы не противоречат предъявленному обвинению, так как увеличение объемов производства компании соответствовала их (организованной группы) корыстным стремлениям получать все больше нефти для похищения и легализации похищенного имущества. В действительности государственные обвинители в части приобретения акций отметили нарушения прав миноритарных акционеров ОАО «НК «ЮКОС» и его дочерних добывающих структур при приобретении акций названных компаний. Обвинение обосновало действительные причины выплат дивидендов акционерам компании ОАО «НК «ЮКОС», при этом привело доказательства того, как эти же акционеры не пускались на свои общие собрания, как им лично Ходорковским отказывалось право на информацию, в том числе об операциях с аффилированными лицами, и как миноритарные акционеры не могли ввести в совет директоров «ЮКОСа» своего, действительного независимого представителя. Обо всем этом Ривкин, также как и Ходорковский умолчал. Таким образом, и этот защитник никаких опровержений обвинению представить не мог. Его толкования обвинения и доказательств также ни имеют никакого отношения к настоящему уголовному делу, так как не основаны на его материалах. Адвокат Грузд в своем выступлении заявил, что стороной обвинения не доказан ни один из признаков присвоения. Так, по его мнению, сторона обвинения так и не определилась с предметом хищения, что же было похищено: нефть, выручка или прибыль. Нефть, по мнению Грузда, нельзя похитить без ее физического изъятия в пользу похитителя, а физически нефть Ходорковским и Лебедевым не изымалась. Якобы, по мнению защитника, составив какой-либо документ, похитить вещь нельзя. Не доказано, что изъятие нефти произошло против воли собственника, тогда как всеми признано, что «ЮКОС» и его добывающие предприятия и есть собственники. Не доказана противоправность изъятия нефти, так как реализация нефти осуществлялась по договорам, которые Грузд назвал реальными, видимо потому, что исполнены они. Также он заявил, что не доказана безвозмездность изъятия нефти, так как добывающие предприятия получили возмещение, как сказал в суде подсудимый Ходорковский, «себестоимость плюс нормальная прибыль». Оценивая выступление государственных обвинителей, защитник отметил, что снизить объем похищенного и, не изменив, а, местами увеличив, стоимость этого похищенного за отдельные годы, обвинители тем самым «заложили процессуальную мину», так как такое изменение обвинения якобы является существенным и не может быть принято судом, а к старому обвинению в этой части суд не может вернуться, так как обвинители от него уже отказались. Оценивая это выступление, хотелось бы отметить, что каждый довод по отдельности и все эти в совокупности не только несостоятельны, но и лживы, либо стали следствием некомпетентности защитника. Своими утверждениями, которые не относятся к предъявленному обвинению, защитник старается ввести суд в заблуждение и запугать его. Предмет хищения уже давно определен. Это ясно написано в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого Ходорковского и Лебедева и прозвучало в обвинительной речи в прениях. Это, конечно, нефть. Это для защитника Грузда лично, который, видимо, не расслышал. Оформлением каких соглашений нефть похищена, в обвинении и обвинительной речи четко обозначено, здесь никакой неясности нет. Все

дальнейшие операции подтверждают распоряжение этой нефтью не «ЮКОСом», а Ходорковским и Лебедевым, а одновременно – и легализацию ими похищенного. Этого защита оспорить не смогла. Доводы защитника в той части, что физически нефть не похищалась, поэтому хищения не было, к предъявленному обвинению не относятся. Предъявленным Ходорковскому и Лебедеву обвинением им не инкриминированы действия по физическому изъятию нефти у добывающих предприятий ОАО «Юганскнефтегаз», ОАО «Томскнефть» ВНК и ОАО «Самаранефтегаз» либо у ОАО «Транснефть». Хищение нефти обосновано стороной обвинения оформлением многочисленных противоправных сделок, заключенных под влиянием злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой. Защитник утверждает, что оформлением сделок изъять вещь нельзя. Но Ходорковскому и Лебедеву это и не вменялось. Мы доказали и обосновали, что эти лица, подсудимый Ходорковский и Лебедев, лишили собственников возможности распоряжаться своими полномочиями собственника, по оформлению сделок по ее продаже с определением цены. Поэтому оформляемые договоры купли-продажи нефти были фиктивными, направленными на сокрытие совершенного хищения. Однако ничего этого, да и другие выводы обвинения защита опровергнуть не смогла. Их неподтвержденные доказательствами доводы, в том числе, и что хищение возможно только физическое, а все документы законные, показывают их бессилие в настоящем процессе. Фиктивный характер заключаемых сделок был полностью подтвержден доказательствами, исследованными в ходе судебного заседания. Показаниями директоров подставных обществ, использованных участниками организованной группы в цепочке хищения легализации того же Тяна, Вальдеса-Гарсия Антонио, Малаховского, Субботиной, Соболевой, Коношенко, Арефьевой, Колупаевой. Приговором Басманного районного суда г. Москвы от 01 марта 2007 года, которым установлено, что деятельность ряда обществ компаний ООО «Ратибор», «Энерготрейд», «Ю-Мордовия», «Фаргойл», «Эвойл», «Террен», «Мега-Альянс», «ЮКОС-М», «Ратмир» и других использованных участниками организованной группы в цепочке хищения нефти, носила подставной и формальный характер, направленный исключительно для реализации единого преступного умысла всех участников организованной группы на хищение чужого имущества, а именно нефти, добытой ОАО «Юганскнефтегаз», «Самаранефтегаз», «Томскнефть» ВНК. Договорами оказания услуг между подставными обществами, с одной стороны, и ЗАО «ЮКОС-РМ» и ООО «ЮКОС-ФБЦ», с другой стороны, а также показаниями свидетеля Кудасова, Тяна, Веденеевой, в соответствии с которыми все договоры, а также другая документация, касающаяся деятельности «Фаргойл», «Ю-Мордовия», «Энерготрейд», «Эвойл», «Ратибор», подготавливалась сотрудниками ОАО «НК «ЮКОС». Показания бывшего управляющего ОАО «Юганскнефтегаз» Гильманова, ОАО «Самаранефтегаз» Анисимова, ОАО «Томскнефть» ВНК Логачева, в соответствии с которыми цену на нефть, реализуемую добывающими предприятиями, они не определяли. Условия договоров купли-продажи они с контрагентами не обсуждали. Сами договоры они получали в готовом виде из ОАО «НК «ЮКОС». На основании исследованных доказательств в ходе судебного заседания было установлено, что добывающие организации были лишены самостоятельности по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим им имуществом – нефтью, что является основанием для признания совершаемых ими сделок по отчуждению такого имущества, а также подписанных в подтверждение этого документов фиктивными. Далее, защитник Грузд в своих доводах указал, что воля собственника не нарушалась. Во-первых, адвокат не уточнил, чья именно воля. Во-вторых, воля собственника не нарушалась подсудимыми. Этот самый собственник вообще не был лишен всякой воли, когда у него не только изъяли всю нефть, но и вообще любые полномочия в отношении этой нефти. Затем защитник Грузд отметил, что всеми признано, что собственниками нефти были добывающие предприятия «ЮКОСа». И поэтому хищения не было. Вообще-то при хищении право собственности у собственника не пропадает. У собственника пропадает имущество, на которое он имеет право собственности. Именно поэтому он в защиту своего права наделен

полномочиями потерпевшего, в том числе правом заявлять гражданский иск. Незнание таких основ уголовного права показывает либо некомпетентность нашего оппонента Грузда в вопросах этого уголовного права, либо умышленное введение суда в заблуждение в расчет на некомпетентность общественности. Доводы защитника о том, что реализация нефти осуществлялась по реальным, потому что исполненным сторонами соглашения, опровергается следующим. Сторона обвинения в своих выступлениях привела доказательства, что стороны этих сделок никакого законного отношения к сделкам не имели, цены они не определяли, условия договоров они друг с другом не обсуждали, отказаться подписать договоры они не могли, это грозило негативными для них последствиями, предметами сделки (как имуществом, так и деньгами) они не распоряжались. Это все делали другие лица, которые, эти лица, здесь в суде указали, что не было «ЮКОСа», был только его хозяин, не было других интересов, были только интересы хозяина, а хозяин сам себя обмануть не мог. Соответственно, сделки не влекли, по сути, никаких последствий. Однако это скрывалось. Выполнение указаний фактического руководителя нефтяной компании в лице Ходорковского, передаваемых через своих доверенных Лебедева, Леоновича, Маруева и других, не является исполнением сделки. Если сторона не распоряжается числящимися за ней активами, значит она не может сделку по реализации этих активов исполнить. Таким образом, доводы защиты о том, что эти сделки были исполнены сторонами сделок противоречит доказанным обстоятельствам. Рассмотрим другие доводы защитника Грузда по поводу возмездности реализации нефти «ЮКОСом». Полномочий добывающие предприятия «ЮКОСа» по распоряжению своим правом собственности на добываемую нефть лишены, нефтью и деньгами за нее распоряжается какой-то Ходорковский, один из акционеров, пусть и основной, но далеко не единственный, оформление сделок осуществляется каким-то Леоновичем, вексельные операции рисует какой-то Маруев, все деньги «ЮКОСа», в том числе деньги «Юганскнефтегаз», «Томсканефть» и «Самаранефтегаз», включены в какой-то общий консолидированный бюджет, который используют эти леоновичи, маруевы, кудасовы, кузьменковы. Так кому поступает выручка от реализации нефти? «Юганскнефтегаз», «Томскнефтегаз» и «Самаранефтегаз»? Нет, не им. Эта выручка отражена в их бухгалтерской отчетности. А где она составлена? В Москве, где лежат все «первичные» документы. А почему эти документы лежат не по месту добычи нефти? Потому что по месту добычи нефти нет предприятия, нет свободы воли, нет интересов миноритарных акционеров, нет законной уплаты налогов, есть только «подписанты» или, как смягчил Михаил Борисович, «директоры с ограниченными полномочиями» (ограниченными, кстати, самим Михаилом Борисовичем Ходорковским). Как правильно Ходорковский отметил – нет юридического лица, есть совет директоров, а все, что вокруг – это гомункул. А как мы уже слышали от самого Ходорковского, совет директоров ничего не решал, он оформлял, а решал он, один из членов этого совета директоров, далеко не его председатель и не президент «ЮКОСа». Защита пытается обосновать суду, что изменения объемов похищенного и неравнозначное этому изменению размера стоимости этого похищенного существенно изменяет обвинение и не позволяет суду осудить подсудимых по этой части обвинения. Как обычно, защита вводит участников настоящего процесса в заблуждение. Защитник Грузд вновь забывает положение постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 «О судебном приговоре» о том, что ухудшением положения подсудимого в части изменения обвинения (квалификации) является включение в первоначально предъявленное обвинение дополнительных, не вмененных обвиняемому фактов (эпизодов), вменение других деяний вместо ранее предъявленных, вменение преступления, отличающегося от предъявленного по объекту посягательства, форме вины и прочее. Никаких изменений названных обстоятельств, влекущих усугубление положения подзащитных, сторона обвинения при уточнении обвинения в части хищения нефти на протяжении 2001-2003 годов не допустила. Произведенное уточнение обвинения охватывается предъявленным им первоначальным обвинением, не меняет его сути, не противоречит ему. Поэтому не

нарушает права подсудимых на защиту. Как не нарушает их право на защиту чтение государственными обвинителями заранее подготовленной ими обвинительной речи. Если некоторые адвокаты, такие как Каринна Москаленко, признаются суду и своим подзащитным в неспособности законспектировать речь обвинителей, то незачем винить в этом других людей. Право подсудимых на защиту в таком случае может нарушить только сама защита, а именно неготовность к процессу и не квалифицированность адвокатов, но никак не выступление государственных обвинителей. Таким образом, в своем выступлении защитник Грузд при оценке обвинения использовал прежнюю порочную практику отрыва части от смысла целого. Его выводы основаны на утверждениях, не соотносимых и противоречащих предъявленному обвинению. Введение им суда в заблуждение относительно сути предъявленного обвинения (при наличии в материалах уголовного дела, как самого обвинения, так и подтверждающих его доказательств) является, по нашему мнению, бессилием, следствием невозможности опровергнуть это обвинение и эти доказательства. Оценивая выступление защитников Липцер и Москаленко, хотелось бы отметить их стремление напугать участников настоящего разбирательства Европейским судом по правам человека. Обвинение никогда не толковало как незаконные действия защитников и подсудимых по обращению в различные инстанции. Обвинение толковало незаконными комментарии защитников по этому поводу. В настоящих прениях эти комментарии снова имели место: «Ваша честь, Вы приговорены к этому делу», «мы поздравляем Вас», «Вы вынуждены своим приговором перечеркнуть свои имя, карьеру, будущее», «Европейский суд признает недопустимым манипуляции Хамовнического суда с доказательствами, нарушающими права наших подзащитных», вот так говорят уважаемые защитники. Как это расценивать? Не иначе, как угрозы. Откуда у российского адвоката уверенность в принятии Европейским судом именно такого решения, а не иного? Ведь решение-то такое еще не принято. Даже жалоба не подана. И доводы относительно нарушения права стороны защиты на состязательность путем отклонения ряда ходатайств, в том числе по использованию в суде заключений специалистов, полученных неизвестно как и неизвестно на каких материалах. Данные ходатайства тщательно исследовались судом, обсуждения занимали несколько дней. В ходе обсуждения была предоставлена возможность высказаться и стороне защиты и стороне обвинения, только отсутствие предусмотренных российским законом оснований использования этих документов стали причиной отклонения этих доказательств. Если уж и говорить о нарушении принципа состязательности, так лучше вспомнить обеспечение стороной защиты стороне обвинения возможности допроса свидетелей защиты. Сторона обвинения не чинила никаких препятствий в допросе свидетелей обвинения. Некоторых подсудимые и защитники допрашивали по 3, 4, 5, а то и 7 дней. Некоторых вызывали повторно по просьбе защитников. Проблем нет – надо, так допрашивайте. Но ничего они в этих допросах многодневных не добились. Не изменили свидетели своих показаний, не добились подсудимые от них обмана суда. Не смогли подсудимые сослаться на них в своих выступлениях, кроме как путем приведения части предложений. А теперь вспомним показания свидетелей, приведенных защитниками. «Я в России уже неделю, но сегодня вечером у меня рейс, поэтому я уезжаю и больше не приду». Это что? Это, Ваша честь, боязнь, что тщательный допрос этого свидетеля в суде приведет к даче им правдивых и не выгодных для подсудимых показаний. Не дать оценку выступлениям подсудимого Лебедева невозможно. Но ничего нового против позиции обвинения Лебедев не сказал, кроме характерных ему жестких безапелляционных и насквозь необоснованных заявлений. Учитывая, что они ничего не опровергают из положений обвинительной речи, то скатываться на его позицию громких и крикливых заявлений, сторона обвинения считает невозможным. Довод Лебедева о получении прибыли добывающими обществами в период 2000-2003 года не свидетельствует об отсутствии хищения, как ему кажется, а наоборот подтверждает, что нефть изымалась у указанных предприятий практически безвозмездно, то есть приводимые им размеры прибыли добывающих предприятий не

сравнимы с размерами прибыли, получаемыми так называемыми центрами прибыли от реализации этой нефти и выработанных из нее нефтепродуктов. Достаточно сравнить показатели в консолидированной финансовой отчетности ОАО «НК «ЮКОС», где указано что за 2001 год по сегменту переработка и сбыт, куда включались так называемые Ходорковским центры прибыли, чистый доход за 2001 год составил 2 миллиарда 759 миллионов долларов США, тогда как прибыль, получаемая тремя добывающими предприятиями за этот год составила всего 26 миллиардов 756 миллионов рублей. За 2002 год по сегменту переработка и сбыт куда включались так называемые Ходорковским центры прибыли чистый доход за 2002 год составил 3 миллиарда 932 миллиона долларов США, тогда как прибыль, получаемая тремя добывающими предприятиями за этот год составила всего 4 миллиарда 154 миллиона рублей. Разница в цифрах, а также доходом в рублях и долларах очевидна. Как нас всех убеждали подсудимые, основной доход этими центрами прибыли получался именно от реализации нефти добывающих предприятий и изготовленных из нее нефтепродуктов. Разница очевидна даже школьнику. Почему это не очевидно для Лебедева – остается загадкой. Сторона обвинения может объяснить это только попыткой ввести всех в заблуждение, в том числе и суд. Этот довод также опровергается показаниями бывших управляющих нефтедобывающих предприятий ОАО «НК «ЮКОС» о продаже нефти фактически по себестоимости, показаниями Смирновой и других об установлении цены в размере плюс 20%. Довод Лебедева о том, что суммы выручки добывающих предприятий могли быть определены и определялись исходя из условий конкретных договоров купли-продажи также не обоснован, в связи с тем, что в судебном заседании установлено, что договоры купли-продажи являлись фиктивными, цена в этих договорах была навязанной вопреки интересам добывающих предприятий и сформирована на основании специально проводимых фиктивных торгов по продаже нефти добываемой нефти добывающими предприятиями. Таким образом, ссылка Лебедева в подтверждение своей невинности на то, что сумма выручки могла определяться исходя из условий договоров, необоснованна, так как сами договоры, по сути, были фиктивными и подготовленными под руководством подсудимых с целью сокрытия хищения. Довод Лебедева о безвозмездном финансировании капитальных вложений добывающих предприятий на миллиарды рублей опровергается показаниями Дмитриевой о финансировании под векселя, Смирновой и других. Таким образом, деньги передавались в счет финансирования не безвозмездно, а на возмездной основе. Таким образом, доказательства приведенные Лебедевым в подтверждение отсутствия состава преступления, а именно ответ ОАО «Роснефть» от 28 сентября 2001 года, ОАО «Томскнефть» от 27 сентября 2010 года и ответ ОАО «Самаранефтегаз» от 27 сентября 2010 года суд не может, по нашему мнению, признать как опровергающие предъявленное обвинение. Довод Лебедева о том, что размер ущерба должен был определяться исходя из фактической стоимости нефти, которую он трактует как себестоимость этой нефти, несостоятелен в связи с тем, что подсудимым были заранее известны экспортные цены на российскую нефть, им было также известно, что они имеют возможность забрать нефть у добывающих предприятий по устанавливаемой ими цене, то есть по себестоимости, в связи с чем установление цены в договорах было лишь сокрытием осуществляемого хищения, имело цель исключить риски привлечения к ответственности и продолжить данное хищение. Таким образом, ссылки Лебедева на придуманный им же способ сокрытия осуществляемого хищения в настоящее время и попытка показать, что наличие незначительной прибыли опровергает само хищение, расценивается судом как способ избежания ответственности путем неверной интерпретации фактов. Факты того, что подсудимым были заранее известны экспортные цены на российскую нефть, им было также известно, что они имеют возможность забрать нефть у добывающих предприятий по устанавливаемой ими цене, то есть по себестоимости, в связи с чем установление цены в договорах было лишь сокрытием осуществляемого хищения, имело цель исключить риски привлечения к ответственности и продолжить данное хищение, подтверждаются исследованными в судебном заседании доказательствами – показаниями Смирновой об

установлении цен налоговым управлением ООО «Юкос-Москва» по принципу средняя цена в регионе минус 20%, показаниями Гильманова, Анисимова, Логачева, Беляевского, о том, что подписывая договоры они не устанавливали цены продажи нефти, а цена устанавливалась в ЗАО «Юкос-ЭП», схемами реализации нефти в которых заранее были установлены фирмы продававшие нефть по цепочке, документами переписки правового управления ООО «Юкос-Москва» в которых разрабатывались способы ухода от возможных рисков, в том числе и уголовно-правовых, возникавших из схем продажи нефти по трансфертным ценам, документов «Управление предприятиями Роспрома» в котором трейдерские сделки по продаже нефти признаются незаконными, противоречащими интересам самих добывающих обществ и разрабатываются способы минимизации рисков возникающих в связи с этим и переложение ответственности на коллегиальные органы с лиц, реально руководящих этими процессами, показаниями Ходорковского о формировании цены нефти у добывающих предприятий по принципу себестоимость плюс небольшая прибыль, показаниями Грефа и Христенко о том, что цены в регионах были сформированы крупными нефтяными компаниями на основе своих внутренних трансфертных цен и не были рыночными, а рыночной ценой была мировая цена. Доводы Лебедева относительно абсурдности утверждения органов следствия, что нефть фактически реализовалась и отгружалась самими добывающими предприятиями на экспорт и конечным потребителям опровергаются приведенными в ходе судебного заседания доказательствами о том, что графики реализации нефти уже были заранее утверждены и сдавая нефть в систему трубопровода АК «Транснефть», то есть транспортной организации, добывающее предприятие выполняло весь необходимый комплекс действий по отгрузке нефти конечным покупателям, документами таможни и АК «Транснефть», в которых видна цепочка перепродавцов нефти, но фактически отгрузкой нефти занимались добывающие предприятия, маршрутными поручениями которые фактически составлялись между АК «Транснефть» и добывающим предприятием и в них уже содержался маршрут доставки нефти, договорами купли-продажи нефти по цепочке контрактов, где нефть уже перепродавалась путем составления документов, но действий по отгрузке никто не совершал. Показаниями Ходорковского о том, что нефть после сдачи в систему «АК Транснефть» доставляется этой компанией потребителю, при этом путь доставки согласовывается заранее, а отгрузкой нефти в систему трубопроводов занимались добывающие предприятия. Доводы Лебедева о том, что расходы по транспортировке нефти сданной в систему трубопроводов АК «Транснефть» несло ОАО «НК «ЮКОС» не опровергают обвинение, так как хищение на данной стадии уже было окончено и все последующие затраты были связаны с реализацией подсудимыми уже похищенного имущества по максимально высоким ценам с целью получения максимального дохода. Кроме того, Лебедев, приводя фразы из обвинения, что «нефть, фактически реализуется самими нефтедобывающими организациями на экспорт» забывает о слове «фактически» и о том, что подсудимыми специально создавались механизмы юридического прикрытия совершаемого хищения и с точки зрения оформления документов все сделки выглядели законно, хотя, по сути, осуществлялось масштабное хищение. Это наблюдалось при заключении генеральных соглашений и договоров купли-продажи, которые внешне и юридически выглядели как соглашения двух сторон, хотя на самом деле никакого соглашения не было, это наблюдалось при использовании подконтрольных компаний, которые якобы как независимые компании вступали в гражданско-правовые сделки, хотя на самом деле, то есть фактически, ни сами компании, ни их директора не руководили этими компаниями и решений о вступлении в сделки не принимали, это наблюдалось при создании структуры оффшорных компаний, когда иностранные компании принадлежали якобы третьим лицам, а фактически существовали тайные договоры опциона о приобретении акционерного капитала таких компаний ОАО «НК «ЮКОС», это наблюдалось о том, что всему миру и аудиторам компании «Белес», «Балтик» и «Саус» представлялись юридически как независимые от ОАО «НК «ЮКОС» организаций и его основных акционеров компании, в то время как фактически они

контролировались и действовали в интересах подсудимых, это наблюдалось в том, что подсудимые в 2005-2006 годах отказывались от руководства и контроля над компаниями ЗАТО, а сегодня заявляют, что эти компании были созданы и использовались ими в интересах ОАО «НК «ЮКОС», это наблюдалось в том, что ОАО «НК «ЮКОС» потратило более 100 миллионов долларов США на якобы оказание услуг компанией ЗАО «Яуза-М», хотя никаких услуг последнее ОАО «НК «ЮКОС» не оказывало, а денежные средства были обналичены в пользу основных акционеров ОАО «НК «ЮКОС», это наблюдалось при закрытии расчетов при погашении долгов банка «Менатеп» между ОАО «НК «ЮКОС» и «Группой Менатеп Лимитед», когда юридически последнее рассчиталось по долгам перед ОАО «НК «ЮКОС», а фактически рассчиталось за счет средств самого ОАО «НК «ЮКОС» в результате применения схемы и манипулировании ценами на акции и дисконтом векселей и во многих других ситуациях. Поэтому Лебедев, думая, что никто и никогда не разберется в придуманных им схемах и сокрытых под маской юридических сделок фактических взаимоотношениях вновь пытается уже в суде сослаться именно на эти специально построенные юридические надстройки, забывая про фактические отношения. Что касается доводов Лебедева о том, что, отказавшись от части обвинения, прокуроры признали, что часть нефти была передана правомерно, то следует отметить, что данное понимание является сугубо Лебедевским, основанным на его личном мнении. Отказываясь от обвинения, в части хищения сторона обвинения привела в качестве мотивов данного отказа не правомерную передачу, а отсутствие вменения в обвинении рыночной стоимости данных объемов, а также недоказанность перехода части объемов нефти от добывающих предприятий в подконтрольные компании ОАО «НК «ЮКОС». Таким образом, сторона обвинения, анализируя доказательства, уже изученные в суде достаточно объективно отнеслась ко всему блоку этих доказательств. На основании изложенного, данные основания не имеют ничего общего с «якобы» признанием стороной обвинения правомерности передачи части нефти. Таким образом, в своем выступлении подсудимый Лебедев не смог опровергнуть представленных в ходе судебного заседания доказательств его виновности, и ограничился ничем не мотивированными заявлениями о недоказанности предъявленных ему и Ходорковскому обвинений. Что касается выступления защитника Шмидта. Акцентирую внимание суда на следующее. Согласно ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет назначением: защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защиту личности от незаконного и необоснованного осуждения, ограничения ее прав и свобод. Процедура уголовного судопроизводства подробно регламентирована в УПК РФ с единственной целью – для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Эти обстоятельства указаны в ст. 73 УПК РФ. Таким образом, действия участников уголовного судопроизводства должны быть направлены на установление этих обстоятельств. Соответственно темой для обсуждения в судебном заседании тем более в прениях должны являться вопросы о наличии или отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию наличие или отсутствие доказательств. вначале выступления защитник Шмидт, в течение 50 лет занимающегося адвокатской деятельностью, мы ожидали от него системного анализа доказательств и вывода о том установлены или не установлены обстоятельства подлежащие доказыванию и не услышали от него четкого анализа доказательств, как это требуется в частности уголовно-процессуальным законодательством, в соответствии с требованиями статьи, в том числе 73 УПК РФ. Были пространные полтора-два часа рассуждения по поводу решений об этапировании Ходорковского и Лебедева из исправительных колоний и по поводу постановления об определении места производства предварительного следствия. Обстоятельства принятия этих решений не являются предметом доказывания с точки зрения требований уголовно-процессуального законодательства, в том числе упомянутой ст. 73 УПК РФ. Нам понятна тематика выступления защитника Шмидта и также защитника Липцер. Именно они обжаловали в соответствии со ст. 125 УПК РФ постановление об определении места производства предварительного следствия от 03 февраля 2007 года. Однако по итогам рассмотрения

этой жалобы 30 января 2008 года Басманным районным судом г. Москвы вынесено решение об оставлении жалобы без удовлетворения. Определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 07 апреля 2008 года постановление суда оставлено без изменения, а кассационные жалобы адвоката без удовлетворения. Оставлены и без удовлетворения Басманным районным судом г. Москвы 26 марта 2007 года и жалобы защитников Липцер и Шмидта на постановления следователя о переводе осужденных Ходорковского и Лебедева в следственный изолятор г. Читы. Если Вас защитник Шмидт и защитник Липцер не устраивают судебные решения, вступившие в законную силу, то их возможно обжаловать. Об этом Вы имеете возможность прочитать в УПК РФ. Обжаловать, а не обсуждать в прениях по делу, где от Вас ожидают анализа собранных доказательств. Впрочем, когда сказать нечего то приходится говорить о якобы политической подоплеке уголовного дела и полтора часа болтать в Хамовническом районном суде г. Москвы, и бесконечно в Европейском суде по правам человека, дискредитируя судебную систему государства и при этом собирать вокруг себя бездельников из числа представителей ангажированных средств массовой информации и граждан без определенного места работы. Что касается доводов защитника Тереховой. Выводы защитника Тереховой о том, что подсудимым непонятны термины, примененные в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемых и о том, что им, подсудимым, не разъяснена сущность предъявленного обвинения опровергается материалами уголовного дела. Нелишне заметить, что Ингодинский районный суд г. Читы в постановлении от 28 октября 2008 года указал, что не подлежат удовлетворению доводы защиты и обвиняемого Ходорковского о том, что существо предъявленного ему обвинения не разъяснено и непонятно. Кстати, тот же суд в том же решении констатировал, что версия защиты о ведении тайного, параллельного расследования по уголовному делу № 18/432766, предъявленному Ходорковскому и Лебедеву и их защите для ознакомления в порядке ст. 217 УПК РФ, сокрытия доказательств, которыми могла пользоваться защита, несостоятельны и никакими доказательствами не подтверждается. Данное постановление вступило в законную силу. Доводы защитника Тереховой о якобы незаконности постановления от 03 февраля 2007 года о выделении уголовного дела в отношении Ходорковского и Лебедева также опровергаются всеми решениями Ингодинского районного суда, г. Читы, Читинского областного суда, Хамовнического районного суда г. Москвы об избрании в отношении Ходорковского и Лебедева меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей. Кроме того, 11 апреля 2007 года конкретно Басманный районный суд г. Москвы оставил без удовлетворения жалобы защитников Шмидта и Липцер о признании незаконным этого постановления. Это постановление оставлено без изменения 13 июля 2007 года определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда. Доводы защитника Тереховой о незаконности обысков и выемок в помещении адвокатской конторы «АЛМ-Фельдманс», а так же в некоторых банковских учреждениях также противоречат материалам уголовного дела и являются следствием невнимательности защитника, поскольку ранее я и мои коллеги, государственные обвинители, неоднократно указывали на судебные решения об оставлении без удовлетворения жалоб адвокатов на решения следователя о производстве обысков и выемок в адвокатской конторе, так и, соответственно, в банковских учреждениях. На эти судебные решения, Ваша честь, мы неоднократно обращали внимание на всем протяжении процесса и непонятно почему этот вопрос опять возник у защитника Тереховой, а равно у защитника Шмидта и защитника Липцер. Таким образом, мы считаем все доводы, высказанные в прениях стороны защиты, несостоятельными и просим Вас учитывать наше мнение, высказанное также и в реплике. Судом объявляется перерыв.

13 часов 10 минут – судебное заседание продолжено в том же составе.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: Уважаемый суд, несмотря на то, что уважаемый господин Лахтин в реплике приписал мне выступление по поводу политической

мотивации и так далее, Вы обратили внимание, что в ходе всего процесса я об этом не говорил, во всяком случае, не акцентировал на этом никакого внимания. Я не собираюсь этого делать и сегодня, я это оставляю для последнего слова. А сегодня, сохраняя всю вежливость, которой я стремился придерживаться, иногда не получалось, Вы меня поправляли, по отношению к уважаемым оппонентам, тем не менее, вынужден сказать, что многие суды обращают особое внимание на ситуацию, когда сторона государственного обвинения обманывает. Причем, Ваша честь, я человек в этом смысле достаточно снисходительный и крайне четко отделяю обман от ошибки, оговорки и так далее. Почему суды на это обращают такое внимание, как нам известно? Потому что если государственное обвинение опускается до обмана, то это значит, других аргументов у них не осталось. Ну, или, во всяком случае, они их не считают настолько существенными, чтобы обойтись без обмана. Особенно с учетом того, что сегодня, как мы понимаем, нам читали проект вашего приговора. Из чего я сделал такой вывод? Поскольку уважаемый государственный обвинитель, по крайней мере, два, а может быть и три раза сказал: «Суд, оценивая, приходит к следующему выводу». Так вот, я не буду говорить про все примеры, обращу внимание на один. Существенное обстоятельство – компания «YUKOS Capital S.a.r.l.». Государственный обвинитель сказал, что «это ведь не «ЮКОС». Правильно я вас понял? Это существенно, потому что если «YUKOS Capital S.a.r.l.» – это часть «ЮКОСа», то, естественно, никаким хищением, а уж тем более отмыванием, перевод денег на эту компанию быть не может. Я не буду сейчас лезть в материалы голландского суда, которые так и не прочитал уважаемый государственный обвинитель, хотя они есть в материалах дела. Но уж свое-то собственное обвинительное заключение он, я надеюсь, прочитал. 141 страница: «Ходорковским была построена следующая структура взаимосвязанных иностранных компаний: «YUKOS Finance» (Голландия), владеющая через учредительство другими зарубежными компаниями, в частности, люксембургской компанией «YUKOS Capital S.a.r.l.». Последняя компания была специально учреждена в мае 2003 года». Итак, мы запоминаем, «YUKOS Finance» в Голландии владеет через учредительство компанией «YUKOS Capital S.a.r.l.». Это говорится в обвинительном заключении, и от этого сторона обвинения не отказалась. Если мы возьмем материалы дела, то в томе 131 на странице 42 в отчетности компании «ЮКОС» за 2003 год будет указано: «YUKOS Finance» – дочернее предприятие «ЮКОСа», 100 %». Но я даже об этом не буду. У нас же вся отчетность «подделанная», хотя на нее ссылается сторона обвинения. 23 марта. Выступает свидетель обвинения, конкурсный управляющий Ребгун. Цитирую. «Впоследствии у меня было дочернее предприятие «ЮКОСа» «YUKOS Finance». Прокурор Лахтин: «Минуточку. Дочернее предприятие какой организации?» Свидетель Ребгун: «ЮКОСа». Лахтин: «ОАО «НК «ЮКОС»? Ребгун: «Да, я только об этом могу говорить». То есть «YUKOS Finance» принадлежит «ЮКОСу», «YUKOS Capital S.a.r.l.» – компании «YUKOS Finance». Это не «ЮКОС»? Зачем обманывать? Ну, дальше я, так сказать, не буду говорить, что это обман, но, во всяком случае, Ваша честь, когда подтверждают покупку активов на общую сумму более 9 миллиардов долларов, когда подтверждают дивиденды на сумму 2,6 миллиарда долларов, когда подтверждают капитальные вложения на сумму 4 миллиарда долларов, когда подтверждают прибыль 15,8 миллиарда долларов, а потом, вычитая одно из другого, говорят, что 9,6 миллиарда еще где-то осталось. Ну, может быть, это не обман, может быть, это «недружба» с арифметикой. Сейчас, в самом начале своего выступления, уважаемый прокурор Лахтин говорил, или цитировал разговоры двух юристов – Гололобова и Бахминой. Вы могли подумать, что он вдобавок к двум цитатам, которые я привел, привел еще какие-то мои цитаты. Во всяком случае, в его произнесении это звучало именно так. Ваша честь, я не буду останавливаться, но Вы посмотрите: это предположения двух юристов между собой. Один говорит: «Спросим у Ходорковского». Второй говорит: «А если Ходорковский скажет так...» Никто не говорит о том, что я что-то сказал. Я напому, мы говорим все о той же компании «YUKOS Capital S.a.r.l.», которая там вообще не упоминается, а если бы даже и упоминалась, то проблемы в этом не было бы. Ну, просто вас зачем-то пытаются опять хоть интонационно, но обмануть. Ну

не важно. Это все мелочи. А вот не мелочи. Я еще раз хочу напомнить: нас с Платоном Леонидовичем обвинили в хищении нефти. Именно нефти у дочерних добывающих предприятий «ЮКОСа». Хочу еще раз, к слову, обратить ваше внимание: несмотря на это, только сейчас господин Лахтин сказал, что нас обвиняют именно в хищении нефти, из обвинительного заключения никуда не ушли ни нефтепродукты, ни денежные средства. Так он же Вам говорит, что их нет, но официально он от этого не отказался. Так вот, нас обвиняют в хищении нефти с 1998 по 2001 год – всей, далее с 2001 по 2003 год – той, которая отправлялась на экспорт. Про остальную нефть теперь не говорится, потому что... И дальше Лахтин объясняет, почему. Ваша честь, ну, Вы не хуже меня знаете, что причина, почему они исключили из обвинения кусок, это десятое дело, да оно вообще суд никак не интересует. Исключили – значит, не хотите доказывать неправоту. Ваше дело, правомерность подтверждена. Но и об этом я не буду особо напоминать. Дело в том, что нефть-то сама никем не похищалась. То, что она не похищалась физически, согласился сейчас еще раз господин Лахтин. Вот первый слайд сейчас покажем. Ваша честь, я не буду просить Вас его прочитать и даже не буду Вам его оглашать, я его Вам просто передам. Это все решения судов и тексты в обвинительном заключении. Не все еще, просто сколько на лист влезло, где написано, что продукция нефтедобывающими предприятиями самостоятельно отгружается непосредственно российским и зарубежным потребителям. Вот целый лист. Здесь не одно судебное решение, и даже не только решения арбитражных судов, но и приговоры, вступившие в законную силу. Поэтому с физической нефтью – все. Дальше. Господин Лахтин заявил, что нефть похищена юридически. Очередной «неуд» студенту второго курса юридического института. О наличии даже теоретической возможности юридически похитить нефть, поставленную производителем непосредственно добросовестному потребителю, говорить может только двоечник. Желаящие могут почитать такой курс «Уголовное право» Бойцова, там очень подробно на эту тему все описано. Если преступник или третье лицо не завладели имуществом, похитить его нельзя. Это разумному человеку понятно, и в пленуме это написано, но это неважно. Однако в нашем конкретном деле у таких теоретических рассуждений просто нет места. Почему? Потому что, Ваша честь, я уже об этом говорил, судами установлено: и юридически, и фактически право собственности на нефть (а оно не делится, между прочим, на фактическое и юридическое, ну, так, я просто уж в той терминологии, в которой у нас рассуждают оппоненты) перешло к «ЮКОСу» по договорам купли-продажи. Суды на основе анализа доказательств установили: «ЮКОС» – собственник. Это вполне определенное юридическое понятие, означающее законность получения права на нефть «ЮКОСом» у своих добывающих «дочек». К слову, и здесь, в Хамовническом суде, ежедневно, но только в коллегии по гражданским делам, происходят установления собственника разного имущества. Так вот если собственник установлен судом, то пока это решение суда не будет отменено, именно он будет собственником, и ни кто другой. Иное означало бы, что право собственности у нас в стране не существует вовсе. Ну, тем более, что оппоненты в своих выступлениях признают «ЮКОС» и его торговые структуры добросовестными приобретателями. Ибрагимова говорила об этом в прениях, а Лахтин говорил об этом в ходе судебного следствия. Слайд номер два. Но даже это не очень важно, Ваша честь, поскольку это обстоятельство установлено кучей судебных решений. Вот что ни возьмите, ну, хоть включая обвинительное заключение, начиная, точнее, с обвинительного заключения, а дальше судебные решения будут, «собственником нефти и нефтепродуктов являлось ОАО «НК «ЮКОС», «собственником нефти и нефтепродуктов являлось ОАО НК «ЮКОС». Следующее, да, и так далее, и весь лист такой. «Нефть является собственностью ОАО НК «ЮКОС». И ведь здесь не одно, и это не только Арбитражный суд Москвы, но и Ханты-мансийский автономный округ, и ФАС Западно-Сибирского округа. Чего Вы с этим делать-то будете? Таким образом, получается: Ходорковский и Лебедев не похищали нефть у добывающих «дочек», поскольку не завладевали ею ни физически, ни юридически. И больше говорить не о чем! Прибыль, цены, бредовая версия обмана или

подкупа мною собственных подчиненных, права псевдопотерпевших, законность или незаконность вверения – все это пустая болтовня. В расчете, я извиняюсь, либо на дураков, либо на неквалифицированных людей. Предмет хищения не похищен у псевдопотерпевших ни физически, ни юридически. Это факт! Точка. Перешагнуть данный факт можно, лишь прямо нарушив 90 статью Уголовно-процессуального кодекса РФ и ряд других законов, включая закон о судоустройстве и Конституцию РФ. То есть, пересмотр фактические обстоятельства, установленные вступившими в законную силу решениями суда, вне законной процедуры их пересмотра. Лахтин сам этого сделать не может. Более того, он Вам говорит: «Мы не можем ревизовать вступившие в законную силу судебные решения». А Вас на это подбивают, Ваша честь. Хотите – делайте. Только говорить тогда про законность не надо. Произвол – он в Африке произвол, и в России произвол. Ваша честь, с точки зрения реплики у меня все, спасибо.

Защитник Клювгант В.В.: Ваша честь, теперь мы просим у суда перерыв до завтрашнего утра, чтобы завершить выступления репликами. Нам нужно время на подготовку, а так же выписка из протокола судебного заседания в части реплик государственного обвинения.

Судом ставится вопрос о возможности отложения судебного заседания.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Клювгант В.В.: не возражаю.

Защитник Левина Е.Л.: не возражаю.

Защитник Москаленко К.А.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.

Защитник Краснов В.Н.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Липцер Е.Л.: не возражаю.

Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Судебное заседание отложить на 02 ноября 2010 года в 10 часов 30 минут.

Повторить вызов участников процесса.

Судебное заседание закрыто в 14 часов 00 минут.

Судья

Секретарь

В.Н. Данилкин

М.И. Капусткина